

Глава 6. Спаситель

Под мерный стук ножа матушки Чэнь на стол ложилось всё больше и больше узорчатых леденцов.

Едва Ли Цинвэнь обмолвился, что сладость готова, как Ли Цинфэн и его маленький племянник Ли Чжэнлянь тут же отправили в рот по кусочку. Остальные домочадцы с любопытством рассматривали диковинку.

На узорчатые леденцы ушло не так много чистого сиропа, ведь большую часть массы составляла мука, так что по сладости они уступали чистому солодовому сахару. Однако в семье сласти видели редко, поэтому даже этот тонкий медовый привкус заставил всех довольно зажмуриться.

Пока семья любовалась делом рук своих, патока в котле дошла до нужной густоты. Госпожа Цзянь поспешила перелить тягучий, янтарный сироп в неглубокий таз. От густого, дурманящего аромата у Ли Цинвэня невольно потекли слюнки.

Запах варящегося сахара разлетелся далеко по округе. Вскоре над соседским забором показались несколько маленьких голов — дети во все глаза смотрели на дом семьи Ли. Обученные родителями не совать нос в чужие дела, они лишь молча вдыхали сладкий воздух, не смея ни о чем просить.

В доме было душно от долгой варки, и когда семья вышла на крыльцо подышать прохладой, они сразу заметили неожиданных гостей.

— Хуа-эр, Цяо-эр, идите к нам, попробуйте сладостей! — окликнула их матушка Чэнь.

— Спасибо, тётушка, не нужно, мы уже пообедали, — отозвался тонкий, неуверенный голосок, в котором явственно слышалось желание.

Ли Маосянь подошел к забору и протянул руки.

— Давайте, прыгайте, я подхватчу.

Соблазн оказался сильнее послушания. Отец по одному пересадил девочек через ограду, а матушка Чэнь щедро насыпала им в ладони ещё теплых узорчатых леденцов.

На этой улице жили в основном те, кто носил фамилию Ли. Западный сосед приходился отцу дядей, так что Цинвэнь звал его Третьим дедушкой. Эти худенькие, хрупкие девочки были его внучками. Им было около десяти лет, и, получив лакомство, они не решились съесть всё сразу: одну конфету катали за щекой, а остальные бережно сжимали в кулачках, чтобы отнести домой братьям и сестрам.

Смеркалось. Заметив отсутствие внушек, Третья бабушка заголосила на всю округу:

— Хуа-эр! Цяо-эр! Я-эр! Где вы?!

Девочки, испугавшись, что их хватятся, мигом отозвались.

— Бегите скорее, — улыбнулась матушка Чэнь.

И троица, сверкая пятками, скрылась за забором.

Сладостей с иероглифами вышло немного, взрослым досталось лишь на пробу, а почти всё остальное мгновенно исчезло в недрах детских желудков. Ли Цинвэнь съел всего один кусочек: вкус жареной сои был очень сильным, а сама масса — грубоватой, но в целом лакомство удалось.

Когда сироп в тазу немного остыл, Ли Маосянь, не дожидаясь помощи сына, сам принялся растягивать обжигающую массу. Вскоре совсем стемнело. Цинвэнь, нащупав, что тягучий жгут стал упругим, велел матери нарезать его на длинные брусочки.

После стольких трудов солодовый сахар наконец был готов!

Утолив первый голод конфетками, никто уже не спешил. Ли Цинвэнь достал домашние весы и, подложив чистую ткань, взвесил добычу: получилось чуть больше трех цзиней. Если учесть тот сироп, что ушел на узорчатые леденцы, выход продукта оказался весьма достойным.

Теперь и взрослые, и дети получили по настоящему кусочку. Вкус был куда слаще и богаче. Вся семья расплылась в довольных улыбках.

— В уезде за столько сахара пришлось бы выложить не меньше семидесяти-восемидесяти монет, — проговорил Ли Цинхун, перекатывая сладость во рту.

Госпожа Цзян согласно закивала.

— Вот именно! Наш сынок просто молодец. Пшеница и рис обошлись нам всего в сорок монет, а скоро жатва — зерно станет ещё дешевле...

Юноша замер.

«Если продать этот сахар, можно выручить тридцать-сорок монет чистой прибыли».

От этой мысли леденец во рту показался ему ещё слаще.

Узнав цену продукта, Ли Цинфэн невольно отдернул руку, потянувшуюся за вторым куском. Угощение было чудесным, но матушка в прошлом месяце перестала пить лекарства из-за нехватки денег, и он не мог позволить себе жадничать.

Матушка Чэнь, заметив, что сын ограничился одной конфетой, удивилась:

— Фэн-эр, неужто тебе не по вкусу то, что брат приготовил?

Три дня ждал, глаз с пшеницы не сводил — и всего один кусочек?

— Да я уже наелся... — пробормотал Ли Цинфэн. — Лучше продадим остальное.

Ли Цинвэнь вложил в руку Четвертого брата свои запасы, но тот оставил себе только два, а от остальных наотрез отказался. Тогда Цинвэнь предложил их Ли Цинхуну, но Третий брат лишь раскрыл ладонь, на которой лежал его недоеденный леденец.

Видя такую заботу сыновей друг о друге, матушка Чэнь только светлела лицом. Она сама разделила остатки между всеми, не забыв и невестку.

Когда всё было убрано, Ли Цинвэнь наконец растянулся на постели. Повернувшись на бок, он задел головой что-то твердое под подушкой. Пошарив рукой, он вытащил небольшой кожаный мешочек коричневого цвета. Вещица была увесистой: на ощупь внутри прощупывались предметы самых разных форм.

Цинвэнь не помнил, чтобы у него был такой мешочек.

— Брат, это твое? — спросил он.

Ли Цинхун, уже стянувший через голову рубаху, взглянул на находку.

— Ты что, забыл, сынок? Это же твоё.

Цинвэнь покачал головой и, подползая к окну, раскрыл мешочек в лунном свете. Внутри лежали: нож, обмотанный лоскутами ткани, огниво, точильный камень, маленькое шило и бамбуковая трубка толщиной в три пальца... Эти вещи совсем не походили на имущество прежнего Ли Цинвэня.

— Ты совсем не помнишь старшего брата Цзян Цуна? — осторожно поинтересовался Ли Цинхун.

При звуке этого имени перед глазами Цинвэня мгновенно вспыхнули капли алой крови,

капавшие на лицо.

— Он был ранен... — прошептал он.

— Он закрыл тебя собой от бандитского ножа, — подтвердил Третий брат. — Он — благодетель и твой, и всей нашей семьи.

Воспоминания об этом дне были смутными, словно затянутыми дымкой — должно быть, от пережитого ужаса. Лишь пронзительный взгляд того воина прочно врезался ему в память.

Видя, что Ли Цинвэнь погрузился в раздумья, Цинхун продолжил:

— Отец рассказывал, что на вас напали разбойники. Не найдя ничего ценного, они со злости решили убить путников. Старший брат Цзян проезжал мимо и спас вас. Если бы он не подставился под тот удар, несдобровать бы тебе, сынок.

В памяти всплыло сверкающее лезвие, летевшее прямо ему в лицо. Если бы не тот человек, Ли Цинвэнь лишился бы головы. Сердце предательски сжалось от запоздалого страха и глубокой благодарности.

— После спасения, — не унимался брат, — ты так вцепился в этот мешочек, что не оторвать было. Господин Цзян решил, что вещица тебе приглянулась, и подарил её.

Цинвэнь промолчал. В его памяти не было этого момента: скорее всего, прежний хозяин тела схватил первое, что попало под руку в бреду, а спаситель просто неверно истолковал этот жест.

— А где он сейчас? — спросил Ли Цинвэнь.

— Старший брат Цзян служит провинциальным солдатом в Хунчжоу. Но он редко бывает в родных краях, всё больше в столице несет караульную службу. В последнем письме отцу он писал, что как раз находится в столице.

Цзян Цун был спасителем семьи Ли. И хоть деревня Тополиная лежала далеко и от столицы, и от Хунчжоу, и они могли больше никогда не встретиться, связь поддерживали через письма. Ли Маосянь был человеком чести: он не только сам хранил благодарность в сердце, но и наказывал сыновьям и внукам — покуда род Ли не пресекся, каждый должен знать имя своего благодетеля.

Ли Цинвэнь молча спрятал мешочек. Напоминания брата были лишними — он и сам не собирался забывать о таком долге.

Усталость минувшего дня и тяжелые мысли о пережитом нападении сделали своё дело — утром он проспал. Когда Ли Цинвэнь открыл глаза, солнце уже вовсю заливало комнату. Всё тело ломило. Он медленно оделся, удивляясь непривычной тишине в доме.

— Проснулся, сынок? Обед в котле, ещё тёплый, поешь скорее, — донесся из кухни голос госпожи Цзян.

Пустой желудок заставил его поднапрячься. Наскоро умывшись, он достал чашку с кашей. Невестка хотела было подать соленья, но Цинвэнь только махнул рукой:

— Не стоит хлопот, невестка.

Опрокинув в себя кашу, он отставил посуду. Госпожа Цзян тут же подхватила чашку, чтобы вымыть.

Полевые работы были закончены. Ли Цинфэн и Ли Цинхун еще на рассвете накосили травы, а теперь вместе с племянниками сгрудились у стола. Они были так поглощены делом, что даже не заметили подошедшего Цинвэня.

Едва взглянув через плечо старшего племянника, Ли Цинвэнь замер от неожиданности и восторга. На столе стоял готовый игровой короб.

Всего за несколько дней отец сумел воплотить его задумку в жизнь!

Короб и деревянные кости были идеально подогнаны друг к другу и сделаны из одного дерева — даже узор волокон совпадал. Стенки были ровными, углы — острыми, а размеры — выверенными до волоска. Не хватало только надписей и рисунков, но в остальном это была та самая игра из его прошлого.

— Отец, вы просто волшебник! — воскликнул Цинвэнь.

Ли Маосянь, убиравший инструмент в пристройке, вышел на голос.

— Ну как, сынок? Всё ли я верно сделал?

Ли Цинвэнь восторженно закивал и выставил большой палец вверх:

— Всё верно! Отец, у вас золотые руки!

Мужчины в семье Ли были сдержанны, и такая открытая похвала заставила отца смутиться. Он кашлянул и негромко произнес:

— Да что тут такого... Работа как работа. Настоящий мастер тот, кто всё это придумал.

Чувствуя, что заработок уже близко, Ли Цинвэнь воодушевился:

— Отец, есть ли у нас в деревне кто-нибудь, кто умеет рисовать? А если нет — может, в уезде поискать?

Ли Маосянь замялся, в его взгляде просквозило сомнение.

— Сынок, неужто и впрямь нужно рисовать тех полководцев? Я человек неученый и многого не знаю, но твоя история о воинах... Боюсь, как бы мы не накликali беду, затронув дела великих людей.

Ли Цинвэнь мгновенно всё понял. Истории о Троецарствии не были известны в этом мире, но если образы генералов и само название Хуажундао хоть как-то заденут честь нынешних сановников или знати, семье несдобровать. В это время за неосторожное слово можно было легко лишиться головы, что уж говорить о простых крестьянах.

Немного остыв, Цинвэнь кивнул:

— Вы правы, отец. Осторожность не помешает. Мы не станем рисовать генералов. Назовем игру иначе — «Выдать замуж барышню». Самая большая кость будет той самой девицей на выданье. Пять костей поменьше — это её отец, мать, братья, дед и бабушка. А четыре маленьких квадрата снизу назовем «Музыка», «Шахматы», «Книги» и «Живопись». Кто поможет барышне выйти из заточения — тот и жених.

Ли Маосянь просиял. Такая замена была простой, понятной и, главное, совершенно безобидной.

— Вот и славно. Иероглифы написать куда проще, чем картины малевать, — подытожил Ли Цинвэнь.

Это не было случайной выдумкой — в его прежнем мире существовали похожие загадки, и он решил, что такая личина будет для игры самой подходящей.